

Дзыга Я.О.

ПРОБЛЕМА НИГИЛИЗМА В «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И «КРЫМСКИХ РАССКАЗАХ» И.С.ШМЕЛЕВА

Проблема земного зла в творчестве Шмелева присутствовала всегда, однако трактовка ее претерпевала у него значительные изменения. До революции писатель видел причины зла в недостатках социальной системы и нравственном несовершенстве личности, впоследствии эти мотивы трансформировались в новую для него проблему нигилизма. Особую актуальность она приобрела после Октябрьских событий. Под их воздействием произошел перелом в мировоззрении писателя, нашедший непосредственное отражение в его дальнейшем творчестве. Даже в период увлечения Шмелева демократическими идеями общечеловеческое преобладало у него над классовым, после революции демократические иллюзии сменились у писателя религиозными идеалами.

Трагические последствия революции ему довелось увидеть в Крыму. В «Солнце мертвых» и «Крымских рассказах» Шмелев описывает реальные исторические события. Многие эпизоды «Солнца мертвых» можно рассматривать как комментарии к трагическим фактам «красного террора». По свидетельству историков, «первая же ночь расстрелов в Крыму дала тысячи жертв: в Симферополе 1800 человек, Феодосии 420, Керчи 1300 и т.д.»¹. В повести Шмелева представлены жестокие картины этой массовой бойни: «И вот – убивали, ночью. Днем... спали. Они спали, а другие, в подвалах, ждали... целые армии, в подвалах ждали. Юных, зрелых и старых, -- с горячей кровью»². Как показывают последние исследования литературоведов, в «Солнце мертвых» нет вымышленных событий, у всех персонажей есть реальные прототипы³.

Показательно, что из всей массы проблем, связанных с революционной ломкой естественного жизненного уклада, Шмелев обращает особое внимание на широкое распространение нигилизма, попрание веры. В культе атеизма и ложного человеколюбия русской интеллигенции, противоположного истинному гуманизму христианства, видит он истоки национальной трагедии. В новых исторических условиях тема драматической разобщенности интеллигенции и народа, столь важная в дореволюционном творчестве писателя, теряет свою значимость: и те, и другие одинаково унижены новой властью. В новый творческий период для него главной становится проблема ответственности всех участников событий за кровавые последствия революции. В случившемся Шмелев видит трагическую вину интеллигентского слоя России, ярко продемонстрировавшего свою духовную несостоятельность.

Интеллигенция, по мысли Шмелева, первой отказалась от наследия отцов и усвоила чужие и к тому же сомнительные ценности. Горько сетует художник Пиньков из «Крымских рассказов» на унижительные ожидания иностранных спасителей: «Да этой «Европе» требуется самой помощь... ведь она выкинула, и этот поганый «выкидыш» воспринят от ее утробы – российской слепой дурой-повитухой, принявшей его за долгожданную чадушку, а он давно уже разложился и заразил все кругом»⁴. Несомненно и то, что в создавшейся ситуации опасность угрожает не только России, но и просвещенной Европе, -- у революции «много рабов готовых», «много без роду и без креста, -- жаждут, жаждут...»⁵.

По Шмелеву, бесспорная вина интеллигенции в том, что она, пренебрегая вечными духовными ценностями, неустанно внушала народу идею прогресса как высшую ценность и призывала революцию. Но поскольку атеизм русской интеллигенции даже в самых крайних своих проявлениях сохранял «...черты наивной религиозной веры, только наизнанку»⁶, то вместо очередной социальной теории «народу-богослужу» предложили антиверу. Последняя на место Бога поставила человека, а рай небесный заменила земным, который предполагала воздвигнуть руками самих людей. Однако когда «сволокли «рай» на землю», вместо всеобщего благоденствия получили «кровавенькую секту», а проповедь гуманизма и вера в совершенство безбожного человека обернулась «религией «небытия помойного». Установился новый, страшный по своей сути порядок вещей, который один из персонажей «Солнца мертвых» не без оснований называет «апофеозом русской интеллигенции».

Персонажи «Солнца мертвых» и «Крымских рассказов», признавая свою вину, как бы совершают суд над самими собой, размышляют и резюмируют. Доктор Михайла Васильевич («Солнце мертвых») заключает воспоминания о своем увлечении Герценом и социализмом выводом о «круговой поруке всех российских интеллигентов». С нетерпением ждал революцию и другой доктор «Крымских рассказов», «планами вдохновлялся». Потом пришло позднее прозрение и страшное заключение: «тут – предел всего». Не у каждого из персонажей Шмелева хватило мужества признать эту истину. Герой-рассказчик «Солнца мертвых» упоминает как показательный случай с явкой на регистрацию к «маэстро функций», товарищу Дерябину: «Все и явились... Они не являлись, когда их на борьбу звали, от Дерябиных-то защищать и себя, и... Но тут явились на порку аккуратно, заблаговременно!»⁷.

Жизнь в послереволюционном Крыму стала похожа на страшную сказку или царство Антихриста. Признаки бесовства и одержимости – концептуально значимые детали при описании революционной стихии и ее представителей. Показательна, к примеру, характеристика «первого оратора» Гришки-Ящера из «Крымских рассказов»: «Это гной революции... Он ненавидит жизнь, все ненавидит, все хочет опоганить, оплевать, стереть. Воплощение дьявола»⁸. Художник Пиньков выражает мнение многих, когда

говорит: «Скажите, кто виноват во всей этой «ентрыге»? Одно остается нам, чтобы облегчить душу... крикнуть: чорт виноват!»⁹.

Нигилистическая стихия, воплотившаяся в революции, убила лучшее, что было в народе и разворошила в нем низкие страсти. Образовавшаяся «каша в душе и в мозгах» вылилась в безбожие и нравственную вседозволенность, когда «никакой ответственности, и ничего не страшно!»¹⁰. В этой ситуации в выигрыше оказались только худшие из народа, те, «что убивать ходят», злодеи вроде Федора Лягуна, товарища Крепса и товарища Дерябина, Гришки Марчука, Гришки Рагулина и др., которым революция развязала руки.

Однако, по мнению Шмелева, главная опасность нигилистической идеологии не в том, что она послужила удобным оправданием для уголовных элементов и авантюристов. Хуже всего, что проповедь разрушения развратила и сбила с пути здоровые силы народа. Писатель запечатлел в своих «крымских» книгах многих, потерявшихся в революции. «Время покорежило» рассудительного и доброго мужика Федора Хлебникова, бывшего дачного сторожа Одарюка, рыбака Пашку. Все они только впоследствии поняли, что ими «воспользовались, как дубиной». Яркой иллюстрацией к сказанному служит история жизни рыбака Стеньки, персонажа из «Крымских рассказов». Его широкая натура способна вместить в себя крайности, поэтому, побыв чем-то вроде атамана банды, он примкнул к секте религиозного обновления народа, а потом снова подался в революцию. По замечанию одного из героев, «это был чудеснейший экземпляр сильного и здорового парня, русского красавца, потерявшегося во всей этой беспардонности и хаосе нашем»¹¹.

Значительную часть народа хозяйственная политика большевиков быстро избавила от революционных иллюзий: новая власть не только не дала обещанных дач и виноградников, но забрала последнее и обрекла людей на голодную смерть. От этого страдают и представители образованного сословия, и крестьяне. Одинаково обречены профессор и доктор, старая няня, почтальон Дрозд, жестянщик Кулеш, молочница, рыбаки. В стихии террора гибнут не только взрослые, но и дети. Вспомнить хотя бы драматическую историю забитого солдатами Федеи Любача из «Крымских рассказов» или умирающих от голода детей в «Солнце мертвых». Эти страшные картины наряду с изображением угасания природы, животных обретают у Шмелева глубокое символическое значение: революционная стихия губит не только настоящее, но и будущее страны, поставлена под сомнение сама возможность жизни.

Обратившись к проблеме нигилизма, писатель не останавливается на революционно-политической характеристике этого явления. В центре его внимания – нравственный аспект отрицания и судьба вечных ценностей в период революции и гражданских войн.

¹ Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918-1923. – Симферополь, 1991. - С.82.

² Шмелев И.С. Солнце мертвых // Шмелев И.С. Пути небесные. – М., 1991. - С.41.

³ Слапыгина Л.Н. Алуштинские прототипы персонажей в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева // V Крымские Международные Шмелевские чтения. – Алушта, 1996.

⁴ Шмелев И.С. Избранные рассказы. – Нью-Йорк, 1955. - С.221-222.

⁵ Шмелев И.С. Солнце мертвых // Шмелев И.С. Пути небесные. – М., 1991. - С.73.

⁶ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – Л., 1990. - С.37.

⁷ Шмелев И.С. Солнце мертвых // Шмелев И.С. Пути небесные. – М., 1991. - С.122.

⁸ Шмелев И.С. Избранные рассказы. – Нью-Йорк, 1955. - С.208.

⁹ Там же. - С.217.

¹⁰ Шмелев И.С. Солнце мертвых // Шмелев И.С. Пути небесные. – М., 1991. - С.60.

¹¹ И.С. Шмелев. Избранные рассказы. – Нью-Йорк, 1955. - С.238.